

BORKUN Il'ya Alekseevich, postgraduate student at the Chair of History, Philosophy and Political Sciences, Saratov Socio-Economic Institute – the branch of Plekhanov Russian University of Economics (89 Radischeva St, Saratov, Russia, 410003; borkun1987@gmail.com)

SOLOV'EV Valeriy Yur'evich, Dr.Sci.(Hist.), Professor of the Chair of History of State and Law, Saratov State Law Academy (1 Vol'skaya St, Saratov, Russia, 410056; Soloviev66@mail.ru)

FOOD POLICY OF THE STATE AT THE STAGE OF NEW ECONOMIC POLICY CLOSURE: THE VALUE OF ECONOMIC AND POLITICAL FACTORS (on materials of the Volga region)

Abstract. *The article analyzes the state food policy in connection with the state decision to break from New Economic Policy (NEP). The research urgency is defined by the pursuit of an objective understanding of this phase of the Soviet history. It is also necessary to counter the falsification of Russian history, which took form of massive informational pressure on the Russian society.*

Keywords: *agricultural and food policy, economics, analysis, political argument, source base, Volga region*

УДК 314.7:325

РАКАЧЕВ Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; midav.sf@rambler.ru)

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СССР В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ

Аннотация. *В статье, основанной на архивном материале, значительная часть которого введена в научный оборот впервые, рассматриваются вопросы переселенческой политики в СССР после окончания Второй мировой войны и ее реализация на примере двух регионов Северо-Западного Кавказа – Кубани и Ставрополья.*

Ключевые слова: *переселенческая политика, Ставрополье, Кубань, миграция, мигранты, социальное взаимодействие, адаптация, обратничество*

Чрезвычайное военное положение было отменено в СССР 4 сентября 1945 г., страна встала на новые мирные рельсы, но характер и направления миграционных перемещений еще во многом определялись последствиями войны. Это демобилизация военнослужащих, реэвакуация, восстановление народного хозяйства, разрушенного в период войны, и связанные с ним плановые и стихийные переселения.

Увеличивается интенсивность миграционных перемещений. В России в дореволюционное время, по примерным подсчетам А.А. Кауфмана, в переселениях участвовало 0,14% общей численности населения страны, или 10% его годового естественного прироста. В послевоенные годы, согласно расчетам М.Я. Сониной, в миграциях участвовало в 6 раз больше населения, чем до революции [Рыбаковский 2003: 41].

Для восстановления пострадавшей в годы войны промышленности требовались дополнительные трудовые ресурсы, и правительство в 1947 г. восстанавливает систему организованного набора рабочей силы, в т.ч. среди членов колхозов.

В Краснодаре на основании постановления СМ СССР от 21 мая 1947 г. была создана краевая контора трудовых резервов. За 14 месяцев работы с мая 1947 по июль 1948 г. контора набрала 32,9 тыс. рабочих (в т.ч. 25,3 тыс. колхозников), в 1949 г. — 12 тыс. рабочих [Стругова 2006: 74].

Такая система своеобразного «отходничества» не только приносила существенную прибыль государству, но и давала возможность сельским жителям воспользоваться выездом, разрешенным законом. Переход из категории сельских жителей в категорию городских давал больше свободы и возможностей для перемещения, и часть молодых рабочих, еще недавно переехавших из села в город, активно включаются в миграционные процессы, не задерживаясь на одном месте. Так, за 1950 и январь–февраль 1951 г. на предприятия и стройки Краснодарского края были направлены 3 880 чел., но в то же время численность молодых людей за 1950 г. здесь сократилась на 394 чел.

По состоянию на 1 января 1951 г. на предприятиях и стройках Краснодарского края работали 6 279 молодых рабочих, тогда как на 1 января 1950 г. их численность составляла 6 673 чел. Процент текучести молодых рабочих по краю составил 56,2% за 1950 г. (3 709 чел.), причем многие из них самовольно оставили предприятия¹.

Косвенными причинами активных миграционных перемещений в послевоенный период было отсутствие сдерживающих факторов: разрушенное жилье, трудности в обеспечении продовольствием, неустроенная личная жизнь и отсутствие на ближайшее время перспектив изменения такого положения подталкивали людей к поиску новых условий, к миграции на новые территории. Война, когда люди потеряли практически все, сделала их «легкими на подъем», на старом месте их уже ничего не держало, а на новом была, хотя и небольшая, но надежда на лучшее, новые перспективы. Эта идея с успехом использовалась государственной пропагандистской машиной.

Переселенцы также направлялись на территории, опустевшие в результате депортаций. В соответствии с постановлением РКО от 12 августа 1944 г. осуществлялись плановые переселения колхозников из Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской и Брянской областей² в Крым, а также на Северный Кавказ.

Ставропольский край оказался гораздо сильнее вовлеченным в процессы заселения территорий депортированных северокавказских народов. Это было обусловлено, во-первых, тем, что в состав края были включены часть территорий Чечено-Ингушской АССР, Карачаевской АО и Калмыцкой АО; во-вторых, географическим положением Ставропольского края, который непосредственно граничил с ликвидированными национально-территориальными образованиями, и поэтому государству приходилось тратить меньше средств на организацию переселения ставропольцев на опустевшие территории.

Начало переселению в Грозненскую область (до 22 марта 1944 г. Грозненский округ входил в состав Ставропольского края) положило постановление № 235-74сс от 9 марта 1944 г. «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР», согласно которому планировалось переселить из Ставропольского края 8 000 хозяйств, из Дагестанской АССР — 5 000, из Северо-Осетинской АССР —

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 267. Л. 105.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 1629. Оп. 1. Д. 130. Л. 36.

500 хозяйств на территории, отошедшие к этим же районам. К февралю 1946 г. в Грозненскую область из Ставропольского края прибыли 5 472 семьи переселенцев [Шнайдер 2007: 271-274].

С территории Ставропольского края в рамках выполнения программы компенсационных миграций также шло переселение на территории ликвидированных Карачаевской АО и Калмыцкой АССР. Число переселенцев из Краснодарского края было существенно меньшим.

Помимо компенсационных миграций, население Кубани и Ставрополя активно вовлекалось в перемещение трудовых ресурсов для выполнения народнохозяйственных задач в различных районах страны. Это происходило на фоне того, что регион являлся стратегически важным в плане обеспечения страны сельхозпродукцией и сам остро нуждался в рабочих руках. Но специфика советской модернизации отводила сельскому хозяйству роль ресурсной базы, оно обеспечивалось экономическими и трудовыми ресурсами по остаточному принципу. Кроме того, Кубань и Ставрополье по-прежнему сохраняли за собой в общественном сознании образ «благодатного, богатого Юга». Поэтому поток мигрантов сюда всегда был большим, и у государства не было необходимости его стимулировать.

Согласно постановлению СМ СССР от 4 октября 1948 г. № 3735 «О развитии рыбной промышленности Дальнего Востока», в Сахалинскую обл. должны были переселить 8 000 семей рыбаков-колхозников, в т.ч. из Краснодарского края — 800 семей, из них: в 1949 г. — 100, в 1950 — 200, в 1951 — 200, в 1952 г. — 300. На неоднократные обращения партийного руководства края о том, что в самих рыболовецких колхозах Кубани не хватает рыбаков, был получена рекомендация привлекать к работе женщин¹.

В этом же году на лесозаготовки направлялись 720 лесорубов и 80 возчиков с подводами, причем 427 лесорубов и все возчики направлялись по районам Краснодарского края, а 293 лесоруба — в Архангельскую область². Это рассматривалось как временная работа, однако ее сроки не оговаривались, и она, по сути, превращалась в переезд на новое место жительства.

По плану Минтрудрезервов СССР на 1950 г. Краснодарская краевая контора по организованному набору рабочих должна была направить на предприятия Минтяжстроя (Магнитстрой, Тагилстрой, Закавказметаллургстрой) 1 500 чел.³

Однако принудительный характер таких переселений давал о себе знать — часть переселенцев не приживались на новых местах и возвращались обратно. Власти так или иначе пытались воспрепятствовать попыткам возвращения.

Например, в сентябре 1946 г. из 101 семей колхозников Усть-Лабинского района, направленных в Крымскую область на восстановление народного хозяйства в соответствии с постановлением ГКО от 12 августа 1944 г., ряд семей самовольно выехали обратно. Учитывая, что правительство затратило большие государственные средства на переселение и хозяйственное устройство колхозников-переселенцев, крайком ВКП(б) и крайисполком постановили, что «самовольное возвращение из Крымской области является грубейшим нарушением государственной дисциплины и требуется установить причины самовольного возвращения из Крымской области колхозников переселенцев и провести среди них разъяснительную работу по немедленному возвращению в Крымскую область». В целях выполнения постановления ГКО крайком ВКП(б) и крайисполком обя-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1662. С. 152.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 623. Л. 16.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 2256. Л. 13.

зали районные власти принять ряд административных и хозяйственных мер для возвращения колхозников в Крым¹.

Несмотря на принимаемые меры, партийные и исполнительные органы Крымской области продолжали сообщать о самовольном выезде переселенцев на прежнее место жительства. Так, за январь—февраль 1947 г. из Алуштинского района Крыма на Кубань самовольно вернулись 66 семейств². В качестве причин таких переселений в документе указывается, что «в большинстве случаев выбывшие колхозники по их прежнему месту жительства сохранили за собой дома и надворные постройки, приусадебные участки, имущество и, нередко, даже скот. Все это имущество до их возвращения оставалось на сохранении их родственников, знакомых или вторых членов семьи переселенцев. Такое положение при наличии большой государственной помощи, оказанной колхозникам-переселенцам деньгами, хлебом, скотом, и предоставленных льгот (освобождение в течение трех лет от всех видов натуральных поставок и денежных платежей, отсрочка от призыва в 1944—1945 гг. в Красную Армию) явно противоречит интересам государства»³.

В послевоенный период продолжается политика организованных внутрирегиональных переселений. Одним из таких направлений было переселение колхозников Кубани в районы Черноморского побережья — Адлеровский и Лазаревский для работы на чайных плантациях согласно постановлениям Совмина СССР: от 17 августа 1947 г. № 290 «О развитии культуры чая, цитрусовых и других субкультур в Краснодарском крае», от 7 мая 1949 г. № 1839 и от 8 октября 1952 г. № 1360⁴, а также в Таманский и Запорожский хлопкосовхозы⁵.

Так, в рамках плановых переселений в Адлеровский район в 1949—1953 гг. было направлено 1 449 чел., в Лазаревский район — 1 551 чел.⁶ Поставленный план был выполнен частично — на 74,9%: Адлеровский чайколхоз — на 72%; Лазаревский чайколхоз — на 64,5%; Приморско-Ахтарский хлопкоколхоз — на 105%; Павловский хлопкосовхоз — на 82%; Каневской хлопкоколхоз — на 114%⁷.

Несмотря на то что приоритеты в переселении отдавались семейным, основную массу составляли одиночки. Так, по документам 1950 г. возрастно-половой состав переселенцев по Краснодарскому краю выглядел следующим образом: в чайные колхозы направлялись 483 семей (2 165 чел.), из них мужчин (16—59 лет) и женщин (16—54 года) — 1 217 чел.; в совхозы МТС — 11 семей (47 чел.), из них мужчин и женщин — 22. Из Ставропольского края направлялись: в сельхозколхозы 219 семей (876 чел.), из них мужчин и женщин — 438 чел.; в совхозы МТС — 38 семей (159 чел.), из них мужчин и женщин — 86⁸.

Состав переселенцев за пределы региона был примерно таким же. В Крымскую область в сельхозколхозы в 1950 г. были переселены: из Краснодарского края — 100 семей (472 чел.), из них мужчин и женщин — 269 чел., подростков 12—15 лет — 70 чел.; из Ставропольского края — 94 семьи (438 чел.), из них мужчин и женщин — 245 чел.⁹

В годовом отчете переселенческого отдела при Краснодарском крайисполкоме по переселению и хозяйственному устройству переселенцев на 1953 г. отмечалось, что переселение помогло решить важные стратегические задачи по выпол-

¹ ГАКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 579. Л. 39.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 659. Л. 5.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 659. Л. 5—5об.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 13.

⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 7.

⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 32.

⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 70.

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4463. Л. 9.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4463. Л. 2.

нению плана чайсовхозами и хлопкосовхозами, но задача была реализована не в полной мере, т.к. часть колхозов не смогли закрепить прибывшее население на новом месте.

В числе причин неудовлетворительного выполнения плана миграций были названы: 1) обратные выезды переселенцев в районы выхода; 2) осведомленность колхозного населения Кубани о трудностях, которые испытывают колхозники-переселенцы в чаеводческих колхозах, тогда как благосостояние колхозов степного края неуклонно росло, и выдачи на трудодни повышались; 3) отсутствие избытка рабочей силы в местах выхода переселенцев; 4) неподготовленность колхозов вселения к приему переселенцев, вследствие чего 111 семей, имеющих переселенческие билеты, в места вселения отправлены не были и к концу года отказались от вселения; 5) необеспеченность жильем в местах вселения и пассивная позиция местной администрации в решении этих вопросов¹. Также отмечалось, что адаптация и приживаемость переселенцев в хлопкосовхозах была заметно выше, чем в чайсовхозах.

Отношение части руководителей колхозов и местного населения к переселенцам было отнюдь не доброжелательным. В докладной записке начальнику переселенческого отдела при крайкоме тов. Сорокину С.А. назывались такие проблемные колхозы, как колхоз им. Мясникяна, «Победитель», «Псишо». Переселенцы жаловались, что «им не дают дров, штрафуют за каждую мелочь, предоставляют приусадебные участки в местах, непригодных для садоводства и огородничества, и др.»².

Сложившаяся ситуация во взаимоотношениях способствовала возникновению упаднических настроений среди переселенцев и их желанию выехать обратно в свои районы.

Сегодня трудно достоверно определить причины возникающих конфликтов, но все же письма мигрантов в переселенческий комитет позволяют сделать некоторые предположения. Переселенцы, попав в новую социальную среду, влияли на изменение сложившегося жизненного уклада, который в советское время зачастую основывался на сочетании работы на государство и работы на себя.

Местные жители взаимодействовали в такой системе и, возможно, опасались чужаков, способных ее нарушить. Не имея прямых рычагов для запрещения приезда переселенцев, они выстраивали демонстративную дистанцию с последними, тем самым ставя их в заведомо невыгодное экономическое положение. Это в ряде случаев и приводило сложностям в адаптации и возвратной миграции (обратничеству).

Вот некоторые выдержки из писем мигрантов в переселенческий комитет: «...как правление, председатель, так и рядовые колхозники, почтительны, любезны на словах и проявляют исключительную неповоротливость на деле. Законные и необходимые требования переселенцев остаются безо всякого внимания, не говоря уже том, что предназначенные 10-ти тысячные дома, а их уже имеется в колхозе порядочно, ни один не доделан полностью... Выданные паспорта для прописки больше месяца находятся непрописанными, не выделяются ссуды на зерно и покупку коров...» (переселенец В.Т. Герасимов, колхоз им. Сталина Пластунского с/с, Адлеровского района).

«Прошу Вашего содействия по поводу упорядочивания плановыми переселенцами, которым здесь не помогают, но наоборот смотрят на нас как на каких-то пришельцев...» (переселенец Губарев, колх. им. Маленкова Лазаревского района)³.

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 17.

² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 37.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 109.

Сложности в организации переселения и взаимодействия с местным населением, «обратничество» привели к пересмотру подходов к организации внутрикраевых переселений. В резолюциях переселенческого комитета отмечалось, что «колхозы Краснодарского края избытка рабочей силы не имеют и не могут быть отнесены к малоземельным», вследствие чего предлагалось «снять с Краснодарского края планы внутрикраевого переселения, заменив его на 50% переселением из других областей и республик и на 50% оргнабором из колхозного населения, проживающего на Черноморском побережье и желающего жить и работать в чаеводческих колхозах, а также демобилизованных из частей инженерных войск, строительных рабочих высвобождающихся после окончания строек и других категорий населения»¹.

Проблему заселения отдаленных районов страны и вновь присоединенных территорий решал также указ Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». На основании этого документа за период с 1948 по 1952 г. из Краснодарского края был выселен 661 колхозник [Население России... 2001: 172].

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие в СССР продолжал активно использоваться административный подход к организации переселений, который в ряде случаев не учитывал специфику региона, желание населения к переселению, что, в свою очередь, влияло на адаптацию, приводило к столкновениям с местным населением и бегству с новых территорий.

Список литературы

Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 (отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская). 2001. М.: РОССПЭН. 416 с.

Рыбаковский Л.Л. 2003. *Миграция населения (вопросы теории)*. М.: Изд-во ИСПИ РАН. 240 с.

Стругова М.Р. 2006. Жизненные стратегии рабочих Краснодарского края в послевоенный период (1945–1953 гг.) – *Вестник архивиста Кубани*. Краснодар. № 1. С. 71–77.

Шнайдер В.Г. 2007. *Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия*. Армавир: РИЦАГПУ. 416 с.

RAKACHEV Vadim Nikolaevich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Sociology, Kuban State University (149 Stavropol'skaya St, Krasnodar, Russia, 350040; midav.sf@rambler.ru)

IMMIGRATION POLICY IN THE USSR IN THE EARLY POSTWAR DECADE AND ITS IMPLEMENTATION IN KUBAN AND STAVROPOL

Abstract. The article, based on the archival material, much of which was put into scientific circulation for the first time, analyzes the issues of migration policy in the Soviet Union after World War II and its implementation on the example of two regions of the North-West Caucasus: Kuban and Stavropol.

Keywords: immigration policy, Stavropol, Kuban, migrants, social interaction, adaptation, return migration (obratnichestvo)

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 28.